

Мы представляем сегодня нашим читателям новый цикл стихов Риммы Андрияновны ДЫШАЛЕНКОВОЙ. Это не только — первая публикация, не только премьера новых стихов. Она знаменательна еще и тем, что все эти поэтические строки написаны уже в Магнитке, после возвращения Риммы Андрияновны из Челябинска.

Алатырь-камень

Эстетика

Вся жизнь скорей поэзия, чем жизнь.
Луна родится буквой Р, а буквой С стареет.
И ветер в небесах рисует витражи
Из музыки зверей и звезд Кассиопеи.

И звук не изменить,
и звезд не переставить.
Космический творец не терпит чехарду.
Забавен «авангард» на фоне
Божьих правил.
Но страшен Президент, танцующий в бреду.

Астероид

Раем называю астероид.
Жизнь на астероиде возможна.
Между красных скал созрела соя,
Есть грибы, орешки и картошка.

Два заката здесь и три восхода,
Ясно видны ангельские лица.
Очевиден Бог в своей природе.
Значит, здесь не будет ижквизитий.

Соль мерцает. Плещется речонка.
Здесь о смысле жизни можно грезить.
Млечный путь меня несет легонько
Между звезд любимых и созвездий.

Отдохну от социальной бури,
От людей, сбежав на астероид.
Здесь меня лишь взрывы на Арктуре
по ночам немного беспокоят.

I. Превращения

Что за манеры такие: бояться прохожих?
Будто по желтому Нилу плывут крокодилы...
Все же прохожие больше на розы похожи,
Даже с павлинами я бы прохожих сравнила.

Можно ль сравнить крокодила
с заезжим французом?

С нежной цесаркой сравнить боевую
подругу?
— Здравствуйте, — всем говорю,
проплывая медузой
Между детей, обитателей звездного круга.

Все мы теперь Козероги, Тельцы,
Скорпионы.
Все мы орлы, воробы
и другие воздушные птицы.
Только собака глядит на прохожих
влюбленно,
и в человека мечтает она превратиться.

II. Руки

Быть с Человеком стремятся
Слоны и Коровы,
Кони, Медведи, известные Единороги.
Тянутся звери душой к Человеку крову.
Верят ему, Человеку, как верили Богу.

Пищу лукаво крадут в результате набега,
пробуют лапой окна стекловидные звуки.
Их привлекает Небесная Твердь Человека:
— Дай, Человек, я лизну твои умные руки!

Камень — книга человека,
книга — человеку — камень.
Остальное хрупко, ветхо,
разрушаемо веками.

Но и в камне — иерархи:
бриллианты, аметисты,
патриархи и ежархи,
генералы и артисты.

Поклонюсь Алатырь-камню,
он — попроще, он — непрочный,
он вулканы, океаны
созерцал, янтариочий.

Закрывая двери ада,
видел ад Алатырь-камень,

потому и замутился
злободневными веками.

Мягкий, облачный амброид
в ожерелье и браслете,
как философ, он спокоен
и не темен и не светел.

Между средами посредник,
воском тает над перстами.
Мой янтарный собеседник,
чаровник Алатырь-камень.

Тот свет

Нерожденное, древнее, юное,
как судьба у порога стоит.
Ничего мы не видим, угрюмые.
Только страх нам умы берedit.

Безнебесное носим мы рубище.
Опостылил наш ропот Богам.
Нелюбимым, ревнивым, нелюбящим
даже Бог ужасается нам.

Закон о возрастах

Закон о возрастах — ведический закон.
В Век золотой младенец погружен.
Во чреве матери он Богом защищен
и пестует его вращение времен.
Он долгозванен, долгожданен он.

Двенадцать лет вкушает человек
серебряный и грациозный век.
Он частью счастлив, частью огорчен,
в блаженстве роста пребывает он.
Весь век серебряный сияньем осенен.

Пустыня отрочества — это медный век.
Отрыв от лона, молодой разбег,
готовность быть с готовностью не быть,
готовность знать, готовность все забыть,
и медь звенящую соблазнов не избыть.

Закон о возрастах — таинственный закон,
век зрелости равняет с бронзой он.
И следует еще двенадцать лет
строительства, поражений и побед,
весь хлеб насущный и насущность Вед.

А в сорок девять лет в железный век
вступает все впадавший человек.
В молитву, будто в жертву, погружен,
невидимый хранитель мира он.
Он мыслью, как огнем, вооружен.
...И «мысль моя — ведический закон».

Апрель

Во дни сквозящие апреля
я вижу сумрачные сны:
глаза Сатурна и Луны,
и Константина, и Андрея.

Сатурн беседует с Луной, —
Луна беседует со мной.
Текут серебряные нити
еще невидимых событий.

Поет собака петухом,
молитва кажется стихом.

В объятья прошлогодней прели
вошла серебряная нить.
Но это можно и забыть,
любясь профилем апреля.

Пятница

Пятница. Звезда моя Венера.
Дух Любви — прозрачный Анаэль

вознесет меня в иные сферы
принимать духовную купель.

Я давно дорогу эту знаю.
Град небесный не внушает страх.
По земле легко переступая,
обитают люди в небесах.

Время счастья проходит.
Голоса остаются.
Это эхо в природе.
Это птицы смеются.

Птицы счастье склевали
и теперь веселятся.
Птицам сладко любовью
прошедшей питаться.

Мысль орошает нас, как дождь,
и к росту побуждает душу.
Цветок души лучу послушен
и не приемлет тьму и ложь.

Мысль веет будто свежий ветер.
Но что нам свежесть? Если лень
и запах лени каждый день
дороже нам всего на свете.

Мысль очищает нас, как снег.
Но это ж надо долго думать!
...Нет мысли мрачной и угрюмой,
без мысли мрачен человек.

Мысль орошает нас, как дождь.
Мысль веет будто свежий ветер,
мысль очищает нас, как снег.
Без мысли мрачен человек.

Сегодня полночь не одна.
Сегодня чьи-то именины.
В гостях Астролог и Луна,
стихи, свеча и Валентина.

Все облака бегут к Луне
пивнуть вина. Но непременно
на полнолуние к Луне
зайдет полночная Елена.

Еще подруга облаков,
дитя ночного океана,
возникнет прямо из стихов
всепроницающая Анна.

А где-то ненаглядный мой
меж сосен зажигает свечи.
И он любит луну,
и он спешит на нашу встречу.

И вот когда услышим стук,
седьмого гостя стук условный,
мы образуем лунный круг
таинственно-традиционный.

И скажем — Полная Луна!
У Вас сегодня именины!
Астролог вам нальет вина,
Елена, Анна, Валентина.

А ты, мой милый волк морской,
легко пивни китайской водки,
коснись старушки и молодки
своей мерцающей рукой.

Поэма связи

I. Раковина

Волна и раковина одинаковы.
От вольных волн осталась вежа.
Так Океан в плену у раковины.
Так Дух в плену у человека.

Она растет, питается волнами.
И я расту, питаюсь воздухом,
глотая ниточки небес,
связуюсь с областью чудес.

II. Голос соловья

Я слышу голос соловья
при всех бряцаниях трамвая.
И влаги голоса внимая,
касаюсь тайны силы я.

Здесь в малой доле бытия
изящной силы Бога много.
Я слышу тучный голос Бога
в хрустальном пенье соловья.

III. Одинокий денек

Один одинокий денек,
где слышится голос ручья.

И звуков негромкий поток
звенит, будто трель соловья.

Ущельем стеснен ручеек.
Скалой приглушен соловей.
Но звук благодатью глубок
и верен природе своей.

Приходят к застолью друзья
в мундирах ущелий и скал.
Не помнят уже соловья,
что возле водицы свистал.

IV. Флейта

Кто знает, как движется звук?
Для звуков есть дерево бук.
Становится буковой флейтой
сначала Божественный звук.

Тревожен внимательный слух.
Он ловит Божественный Дух
и строит мелодию строго
в гармонии флейты и Бога.

V. Струны

Звук флейты переходит в струны,
так струны бархатно звучат,

что прямо к сердцу говорят
помимо слов, минуя думы.

VI. Трубный глас

Я слышу, как зовет струна
глас медных труб.

То отклик Бога.
В потоке трубном — вся страна
Небесных сил. И к ним дорога.

В виду духовной глубины
вся твердь Небесная восстала.
И в трубном гласе мне видны
мои счастливые начала.

VII. Колокольный звон

То смиренно, то уверенно,
то свободно, то затерянно,
то малиново-раздольные
звоны плещут колокольные:
— К нам, к нам, — сиротам!
— Будем-будем — не забудем!
Девять звонов льют окрест
Благовест.
Оле, Вам, Божественные власти!

Вси начала, радостные силы!
Ангелы, Архангелы, Причастья!
Оле! Херувимы, Серафимы!
Оле Вам! Намоленные Сферы!
Сестры, Братья, Воины, Невесты!
Это мы во храме милосердном
звоном колокольным благовестим.

VIII. Твердь небесная

Тихохонько поет
под крышами святой.
Он с пеньем — в небесах,
с молитвой — под землей.

В лампаде пень — свет,
над полем боя — свет.
Над Матерью с младенцем
Святых отцов обет.

Беспечен будь, малыш,
играй и веселись
под куполом святым
Святых Отцовских крыш.

Август-сентябрь 1994 года